

1. Недолгая красота осени

— Коля, а кто это? — Пал Палыч придирчиво рассматривал юркую таксу с умным вопрошающим взглядом и лоснящейся на солнце шерсткой цвета молочного шоколада. — Давно у тебя?

— Так мы когда с тобой последний раз на норах были? — Усы под носом Николая топорщились щёткой. — А этот у меня уже четвёртый год.

— Дельный? — В голосе Пал Палыча брезжило сомнение.

— По-всякому, — последовал сдержанный ответ.

Хозяин таксы — коренастый, плотный, с изборождённым морщинами лицом мужичок лет шестидесяти в вязаной чёрной шапочке-петушке, из-под которой сзади поверх овчинного воротника куртки свисала седовато-русовая плеть собранных в хвост волос, — в одной руке держал мешок с двумя лопатами, опознающимися по торчащим черенкам, в другой — разобранное ружьё в коротком чехле и патронташ.

— Это Пётр Ляксеич, — представил спутника Пал Палыч. — На норах не был. Интяресуется.

Само собой, Пал Палыч заранее предупредил приятеля о петербургском госте, давно желавшем посмотреть, как работают умельцы с собакой на барсучьих и лисьих норах, поэтому тот не удивился

незнакомцу и вопросов не задавал. Пётр Алексеевич пожал протянутую ему крепкую шершавую ладонь и открыл багажник. Мешок, патронташ и чехол легли на дно. Пал Палыч сел впереди, Николай, подхватив собаку под брюхо, посадил её в заднюю дверь и следом забрался сам.

— К Соболицам? — уточнил Пал Палыч. — На заворы?*

— Туда, — кивнул Николай.

Октябрь уже перевалил венец, но лес ещё не оголился донага — жёлтый, багряный и зелёно-бурый лист до сих пор держался на ветках берёз, ив и осин, хотя изрядно поредел, сбитый осенними ветрами. Несколько хороших ливней могли бы скоро довершить дело, но осень стояла сухая, ясная, лишь изредка небо кропило землю ситным дождиком. Мир оставался по-прежнему цветным, прохладно увядающим, будто забытая зелень на полке холодильника, и, как озноб на коже, слегка зернистым.

Вчера, когда при разговоре с Пал Палычем о грядущей поездке Пётр Алексеевич предложил взять с собой водку, чтобы вместе отметить охоту или просто в знак признательности одарить Николая доброй выпивкой, Пал Палыч сказал: «Ня надо», — пояснив, что Николай, увы, не воздержан. «На няделю, на две улетает, — вздохнул Пал Палыч. — Потом узелок завязывает. Две нядели пройдёт — и опять. Да ещё говорит: мол, Паша, ты со мной ня садись, я после третьей рюмки в драку лезу. Вот такая петрушка. Я с им на норы уже лет восемь ня хожу. Он — в бригаде, я — ня в бригаде. Пушкина ничего

---

* *Завор* — обрыв, крутой склон, холм с крутыми склонами (*пск.*).

тяперь ня стоит. Понимаете? Вот и выходит так как-то... Он ня звонит, и я ня звоню. А в целом — дружим: если встретимся — на похоронах, на крестинах — поговорим. Вот вы приехали, я сразу к нему — срядились».

Между тем Николай Петру Алексеевичу понравился: спокойный, немногословный, без самодовольных ухваток, но и не робкий, что видно по взгляду, и самооценка без ущемлений — не пытается произвести впечатление на незнакомого человека. Понравился и его карий пёс, которого звали коротко — Чек, будто сломали сухую ветку или грабённый карандаш. Пока в дороге Пал Палыч рассказывал Петру Алексеевичу историю своего романа с пчёлами, ни Николай, ни Чек, оба полные достоинства, не проронили с заднего сиденья ни звука — впрочем, возможно, из-за шума мотора и колёс с грубым протектором им было просто не разобрать слов.

— Что касается пчёл, я с ими всю жизнь — наудачу, — делился извивами своей судьбы Пал Палыч. — С восьмидесятого года пчалáми занимаюсь и всё ждал капиталистическое время, чтобы мёд продавать. А потом ждал, когда вступим в ВТО, чтобы наш медок пошёл за бугор. В девяностые немцы приезжали к Веньке Качалову — у него сястра родная в Германии... Это наши немцы, с Поволжья, или откуда там — врать ня буду. Она за него, за немца этого, замуж вышла и туда — в Германию. А тут приехали, мёду попробовали, и он говорит, что такого мёда в Германии ня едал — вкусный. — Лицо у Пал Палыча сделалось вдохновенно-восторженное, как перед радостным свиданием. — И вот он два-три раза приезжал, и всё бярёт по литру, потому что больше через границу провозить няльзя.

То есть мёд вообще няльзя провозить — отбирают, но он говорит: «Я на таможне взятку даю, я такого мёда хочу — у нас в Германии такого нет».

— Откуда в Германии мёд... — подыграл Пётр Алексеевич. — У них небось пчёлам не разжужжаться, вся жизнь по науке: без пыльцы, без нектара — на сиропе.

— Вот! — Пал Палыч вознёс вверх указующий перст. — А я-то мотаю на ус и жду, когда в ВТО войдём и за границу торговать можно будет. Думал, тогда сбыт пойдёт — только успевай качать. Вошли, а спросу там на наш мёд нету — никто ня подсуетился, чтоб приезжали заготовители и скупали по пасекам. Поэтому нет развития. — Пал Палыч потускнел. — Я к тому говорю, что я в пчеловодстве, в своём хозяйстве, ня развиваюсь, а иду под дурачка к богатому работать по пчала́м. Там стабильная мне зарплата, и я работаю на хозяина — как он хочет, так и работаю. Но конечно, докуда возможно... — Пал Палыч провёл ребром ладони по колену черту. — Богатые у нас были Салкин в Вяхно и Кузёмов в Посадниково. Я у обоих на пасеках работал. Салкин, правда, только за лето платил, но я всё равно был доволен. А сейчас наступает время... То есть я знал, что Кузёмов — игрался. Салкин тоже поиграл и конец — сельское хозяйство завязал. Кузёмов тоже с этого года кончает с пчеловодством — мне, говорит, это ня надо. Стадо молочное оставляет, а с пчалами — всё. Мне было выгодно по пчеловодству на них работать, а тяперь они отказываются, и надо определяться: снова пять-десять домиков иметь и без денег быть, но с мёдом, либо надо заняться всерьёз.

— Отчего не заняться, раз дело вам знакомое да ещё по сердцу? — Пётр Алексеевич смотрел на дорогу и удивлялся, как много сорок и соек слетает с обочины трассы, будто у них тут престольный праздник с ярмаркой.

На лугах вдоль дороги сепия пожухлых трав мешалась с влажной зеленью. В садах на полуголых яблонях, словно новогодние ёлочные шары, висели цветные яблоки.

— В этом году я сделал пятьдесят домиков и накачал с пятидесяти домиков, — со значением произнёс Пал Палыч. — И продал мёда на двести тысяч.

— Ого! — присвистнул Пётр Алексеевич и невольно подумал: «А роёв-то на столько ульев где взял? Небось подловил у Кузёмова да у Салкина».

— А ещё раздал... На двести тысяч — это ня точно, потому что я брал и тратил. Это примерно.

— Записывали бы, — подсказал Пётр Алексеевич.

— Ещё чего! — чрезмерно, не равновесно поводу возмутился Пал Палыч. — У меня нет привычки копить в чулок и счёт вести. Деньги — от Сатаны. Пришли — я сразу их потратил. А душа — та от Бога. Почему богатые страдают?

Пётр Алексеевич изобразил на лице живой интерес.

— Потому что у них сатанизма больше, чем души. — В глазах Пал Палыча вспыхнули угли. — Сатанизм душу съедает. Сатана ня только в деньгах, он и в других помыслах дап, и нам пужно себя так вести и так свою жизнь регулировать, чтобы Сатана и со стороны денег душу ня подьел, и со стороны... интимной тоже. Потому что до того можешь

дойти, что в педофилы подашься. Или ещё куда. И ты должен себя во всём так вести — всё это регулировать. Даже в охотничьем хозяйстве. Понимаете? Зверь дан, ты возьми, съешь, а ня то что набил и начал торговать, магазин открыл... Это образно. Я к тому, что везде сатанизм тебя преследует, а ты должен его того — маленько побоку.

— Да у вас проповедь готовая, — оценил речь Пётр Алексеевич.

— Я это про пятьдесят домиков. — В глазах Пал Палыча уже блестели не угли — хитреца. — Тоже меру ищю: сколько могу продать, столько продам, а остальное раздам. И мне на душе легче, и Нина ня пилит, что всё куботейнерами с мёдом заставлено. Нам надо прожить так, чтобы и к Сатаны ня попасть, и рядом с Богом... Ня надо к Нему лезть, а — рядышком, с бочкú.

— Теперь, когда придёт пора расплачиваться с кем-то, кому должен, — улыбнулся Пётр Алексеевич, — буду напутствовать: вот деньги, берите, ад надеется на вас.

Не заметили, как миновали Воронкову Ниву, а потом и Соболицы. Впереди от шоссе отворачивала грунтовка.

— Здесь направо, — сказал с заднего сиденья Николай.

Вчера Пётр Алексеевич поинтересовался у Пал Палыча, почему Николай продолжает заниматься порной охотой, если пушнина упала в цене и больше не приносит охотнику прибыль. «Сало, — пояснил Пал Палыч. — Барсучий жир вытапливают и продают — средства от туберкулёза лучше нет. И для профилактики. Поллитровая банка три тыщи

стоит. А с одного барсука в среднем три литра можно вытопить. Вот и считайте — Коля в прошлом году пять барсуков взял. Только сало в банке должно быть белое, — предупредил Пал Палыч, — как яйцо, как снег. Тогда оно самое хорошее. А если жёлтое или с жалтизной, значит пярержжэно, пяретомлэно в печи. Такое на одной доске по качеству — к свиному внутреннему».

Машину оставили на обочине. Сошли на луг с высокой пожухлой травой и ещё вспыхивающей в ней тут и там поздней зеленью. Сапоги шуршали о сухие стебли и чавкали в низинках, но влажная земля была не топкой. За лугом щетинились чёрные лозовые кусты, сквозь которые пришлось продира́ться, петляя и отводя от лица ветки. Затем кустарник перешёл в чернолесье, и вскоре глазам открылся большой бугор, одиноко возвышавшийся посреди плоского лесного пространства. Холм был метров семь-восемь в высоту и метров двадцать в диаметре, обликом походя на могильный курган варяжского ярла — не из самых родовитых. За склоны холма цеплялись чахлые деревца, а вершину венчал кряжистый вяз. Пал Палыч подтвердил: бугор рукотворный, памятник эпохи советской мелиорации — сюда свозили землю, когда рыли канавы, осушая окрестные поля, ныне затянутые лесом.

Накануне Пал Палыч рассказывал Петру Алексеевичу, что барсучьянора, как правило, закручена восьмёркой — иной раз по горизонтали, а бывает, что по вертикали, — и имеет несколько тупиковых ответвлений и выходов. Если барсук только взялся рыть себе обиталище, то поначалу может быть и один выход, но обычно — два и больше. Да и зверь этот не отшельник — случается до пяти барсуков

живут вместе. А то и не только барсуков... «Копает норы в основном он, — рассказывал Пал Палыч, — барсук. А лиса и енот занимают. Ну, то есть прокопают тоже метр-два, но это чисто пустяки. А так — только барсук. И эти вселяются». — «Лиса прогоняет барсука?» — удивился Пётр Алексеевич. «Зачем? Никто никого ня прогоняет, все там живут: и лиса, и барсук, и енот. Только барсук в зиму идёт в самые нижние норы, на самую нижнюю глубину, енот — на самый верх, потому что у него мех и пух, а лиса в середине, между ими двоими. Но когда собака начинает гонять, то енот может попасть и вниз, и лиса крутится — там уже няразбериха у них, когда собака гоняет». — «Все вместе, — восхитился Пётр Алексеевич, — как в сказочном теремке...» — «Да, — кивал Пал Палыч, — все вместе: и барсук, и енот, и лиса. И все полагаживают. Идёшь, и ня знаешь, кого возьмёшь. Енота выкопал, опять собаку запустил в нору, она снова лает. Выкопал — барсук. Или лиса». Пётр Алексеевич светился от восторга.

У здешнего хозяина в норе было два выхода. Один располагался внизу склона, другой — метрах в четырёх от первого, на той же стороне холма, но чуть правее и выше. Николай пустил Чека в нижний лаз, тот юркнул в дыру — только его и видели; сам охотник тем временем расчехлил и собрал ружьё, заложив в стволы патроны. Вскоре из норы раздался лай, то удаляющийся, то как будто начинающий звучать отчётливей и звонче. Петру Алексеевичу было велено оставаться у входа и слушать — даёт ли Чек голос, а Николай с Пал Палычем, припадая ухом к земле, принялись обследовать холм в попытке определить, где именно пёс облаивает загнанного в тупик барсука. Пал Палыч усердствовал,

раскраснелся, переползал с места на место; Николай выглядел спокойнее и деловитее — возможно, просто хотел показать, что ради любопытства городского гостя не расположен рвать жилы, — но и его вязаную шапку-петушок, а заодно и седоватый волосьяной хвост, вскоре облепили собранные с земли палые листья.

Чек в глубине норы лаял приглушённо и размеренно, уже не сходя с места.

— Кажись, тут, — сказал Пал Палыч, слушая землю, как врач слушает грудную клетку пациента. — Здесь звончэй всего.

Николай тоже приложил ухо к тому месту, где возился Пал Палыч.

— Похоже, — подтвердил коротко.

Пал Палыч встал на ноги, достал из мешка лопату и принялся энергично копать. Николай сел рядом на землю и положил ружьё на колени.

— Бывает, и по два метра рыть приходится, и по три, — поделился Пал Палыч с Петром Алексеевичем опытом. — Хорошо, если зямля или песок, а ну как глина — тут заморишься. — Лопата скребнула камень, и Пал Палыч выворотил из земли средних размеров булыжник. — С ней как? Если нора под глиной, под пластом этим идёт, то и собаку ня всякий раз услышишь — глина ход голосу ня даёт. Тогда надо ждать, когда собака выйдет — у ней от лая обезвоживание, вот она и выходит, чтобы снегу хватануть, и опять в нору. Мы раньше барсука с лисой брали в ноябре и позже, когда пяреленяют, — пояснил Пал Палыч. — И тут, как выйдет, надо её, собаку, на поводок, пока ня полезла туда снова, и — домой, а то просидишь у норы ещё два часа. И так весь день — впустую.

Прилетел пёстрый дятел, сел неподалёку на осину, покрутил, сверкая красным затылком, головой — что за люди, чем промышляют? Улетел. Пётр Алексеевич по-прежнему стоял у нижнего лаза, не понимая — взяться ли ему за вторую лопату и помочь Пал Палычу, или его место здесь, на посту слухача. Решил не проявлять инициативу и не уточнять, — если что, старшие товарищи направят.

— А на Лобно как за барсукам ходили помнишь? — обратился Пал Палыч к Николаю. — Там и по чатыре метра копали ямы, там норы глубоко и зямля сыпучая — широко копать приходилось. Ни одного барсука так на Лобно и ня взяли. — Пал Палыч ненадолго замолчал и поправился: — Это что меня касается, я лично ня взял. А другие — ня знаю...

Не успел Пал Палыч заглубиться и на пару штыков лопаты, как из норы показался Чек. Вышел наружу, сверкая шоколадной шёрсткой, будто и не ползал в земляной тьме, окинул взглядом картину внешних обстоятельств, преданно посмотрел в глаза хозяину, задрал лапу, пустил жёлтую струю на ствол чахлой ольхи и не спеша, осознавая свою значимость, вновь отправился в лаз. Вскоре из дыры раздался далёкий лай, на этот раз глуше, как будто в другом регистре. Пал Палыч с Николаем вновь принялись обследовать холм, припадая ухом к земле то тут, то там — на прежнем месте, где начали копать, Чека было уже не слышно.

— Перяшёл барсук, пока пёс отливал, — пояснил Пал Палыч, пластаясь по земле, точно палтус по дну зеленоватой бездны.

Подслушали собаку в новом месте, чуть ниже вяза, и тут уже взялись за дело вдвоём: Пал Палыч

орудовал лопатой, Николай извлечённым из мешка топором подрубал корни. Однако вновь не преуспели — Чек в очередной раз, не дав докончить дело землекопам, выскользнул из норы и в поисках хозяина — на месте ли? — обследовал пространство. Теперь он даже не стал задираТЬ лапу, чтобы оправдать нерадивость нуждой.

— Ня хваткий. — В голосе Пал Палыча сквозило разочарование. — Ня держит зверя, нет азарту.

Николай слегка наподдал ладонью псу по заду, снова направляя его в нору, на этот раз через верхний выход, — и всё сначала. Барсук, должно быть, в свой черёд перешёл на новое место, и теперь гавканье из дыры слышалось едва-едва, так что приходилось склоняться к самому отверстию, — при этом далёкий лай то и дело перемежался периодами неопределённой тишины. Петру Алексеевичу опять выпало стоять у лаза — того, откуда яснее можно было разобрать голос Чека, — и давать знать, когда пёс работает, а когда молчит. Пал Палыч и Николай прислушивались к земле, ползая по холму врас-топырку, а Пётр Алексеевич переходил от одного выхода к другому и преклонялся долу, стараясь понять, где лай пса звучит отчётливей.

Он как раз стоял у затихшего нижнего и соби-рался подняться ко второму, когда из дыры вдруг выскочил здоровенный зверь, хватанул, как обжог, зубами Петра Алексеевича за ногу чуть выше резинового голенища и грузно, но стремительно бросил-ся в мелколесье, за которым густели лозовые кусты. Матёрый барсук размером не уступал барану, и его встопорщенный мех был сед, точно у волка. Нико-лай с опозданием подхватил с земли ружьё и сада-нул из нижнего ствола по мелькающему среди де-

ревьев с неожиданной прытью увальню. Зверь на миг замер, словно получил пинок, обернулся, сверкнув глазом, и рванул дальше, в заросли. Николай ещё раз выстрелил вслед, но барсук уже не останавливался.

— Кажись, задел... — Николай перезарядил ружьё и поспешил вниз, за седым патриархом.

Однако, пока он вставлял в стволы патроны, должно быть, упустил добычу из виду, и теперь, крутя головой, шёл в кусты наудачу, то и дело смотря под ноги в попытке обнаружить в траве след или брызги крови, указывающие путь.

— Наверняка зацепил — он промаха ня даёт. — Пал Палыч следил за шурующим в зарослях Николаем. — Тут лайка нужна. Та след возьмёт, а этот, — он кивнул на выскользнувшего из норы Чека, — ня гожд на это дело. Он и в норе чудит. Должно, терялся когда-то, вот тяперь вылазит и проверяет — тут ли хозяин, ня бросил ли. С им толку ня будет. Я с фоксами на норы ходил — эти зверя хорошо держат.

Пётр Алексеевич неприметно, не желая привлечь внимание Пал Палыча, осмотрел ногу в том месте, где его хватил барсук. Штанина была порвана, и прокушенная под коленом икра кровоточила, но не сильно. Он осторожно потрогал рану — ничего, терпимо. В машине есть аптечка — как доберётся, прижжёт йодом.

Николай вернулся ни с чем.

— Каким номером бил? — Пал Палыч отряхивал куртку и штаны от листьев.

— Картечь. — Николай вынул из патронташа коричневый патрон и сощурился на маркировку. — Пять и шесть.

Пал Палыч покачал головой.

— Тут восемь с половиной надо. В нём одного сала литров на пять. Я таких здоровых ня видал.

— Тоже первый раз такого вижу. — Николай поправил на голове шапку-петушок, сбитую в кустах ветками набекрень. — Зрелый — по́жил.

Снова запустили Чека в лаз. Тот лаял, гонял кого-то, кто остался в норе, но всякий раз усердия его хватало ненадолго: то и дело пёс вылезал наружу отлить, а барсук тем временем переходил на другое место. Копнули тут и там, потом плюнули — ловить с такой нехваткой собакой здесь было нечего.

— Что-то ня работает сегодня. — Николай слегка шлёпнул нерадивую таксу по уху.

Растянувшись в цепь, пошли сквозь заросли, в которых скрылся сбежавший матёрый — вдруг всё же ранен и залёг в кустах. Благо дорога, где ждала машина, была как раз в той стороне. Однако никаких следов в пёстрой осенней траве найти не удалось, и нигде не видно было капель крови. Зато в зарослях лозы трепетал на ветру шелковистыми нежно-серебряными крылышками лунник, и слух невольно спешил расслышать призрачный звон — так в немом кино Али-Баба над ларцом с сокровищами черпает горстью монеты, и они, не тревожа тишины, проскальзывают между пальцами... Но откуда звон?

Следы и кровь Пал Палыч обнаружил уже на дороге, пройдя метров на сто от машины в оба конца. Побуревшие на глинистой земле редкие брызги вели на другую сторону грунтовки и там снова терялись в зелёно-бурой траве и осеннем опаде. Обошли цепью берёзовую рощицу, но ничего не обнаружили. За рощей открывалось широкое поле, заросшее высокими травами.

— Там, — махнул рукой вдаль Николай, — ещё заворы есть. Туда пошёл. — Усы его недовольно топорщились — жаль было упущенной добычи: оставайся он с ружьём в руках, а не ёрзай ухом по земле, пять литров барсучьего жира были бы его.

— Без лайки ня найти. — Пал Палыч тоже выглядел огорчённым. — В норах отлежится — ты его ня шибко приложил.

Охота была окончена.

Не показывая вида, в душе Пётр Алексеевич радовался, что барсук счастливым образом избежал смерти. Пока шли обратно к машине, перед глазами его вновь и вновь вставала картинка: скачущий вперевалку, будто катит под брюхом шар, большой зверь с полосатой мордой, одетый в седую пышную шубу на подкладке из целительного жира...

Рапу Пётр Алексеевич промыл и прижёт уже дома. Кровь остановилась, запёкшись коростой, а кожа вокруг прокуса — следы двух клыков были отчётливы, но не слишком глубоки — отдавала синовой. По всему — зверь цапнул впопыхах, походя, не во всю мочь. Если к ране не прикасаться, то она лишь слегка ныла, не доставляя особого беспокойства и не стесняя движений. Тем не менее на всякий случай Пётр Алексеевич залепил её широкой промокашкой бактерицидного пластыря.

Жизнь в деревне проста, как рукопожатие могущественного, но безразличного к тебе существа — оттого и кажется, что иногда это рукопожатие приветливо, а иногда необоснованно сурово. А оно всего лишь равнодушно — не более. Пётр Алексеевич принёс из колодца воды в дом и к подвешенному на столбе уличному умывальнику, протопил печь,

разогрел голубцы в консервной банке на ужин. Вышел во двор, а там уже темь. Дни осенью коротки — не успеешь оглянуться, как красота их растаяла.

Первый раз он проснулся посреди ночи от ощущения нового знания, будто во сне выучил урок, и теперь кругозор его удивительным образом расширился — сам собой, без участия личного опыта. Иванюта рассказывал, что именно так к нему приходят стихи. Чувство было новое и странное. Откуда-то Пётр Алексеевич знал, что в норе собаку следует хватать зубами за верхнюю челюсть — тогда ей можно прокусить нос, и она захлебнётся кровью, а в разрытую нору, если охотник после яму не засыпал, возвращаться не следует — замучает сквозняк.

Поворочавшись под ватным стёганым одеялом, заснул снова.

Второй раз проснулся в холодном поту. За окном стояла тихая лунная ночь, и в этой ночи Пётр Алексеевич был не один. Прислушавшись к ощущениям и оглядев сумрак комнаты — в окно проникал поющий, словно сквозь зубы сочащийся, свет от повисшей в небе полной луны, — он понял, что комната пуста, а двое — в его голове. Это было нехорошее чувство. Сознание Петра Алексеевича вмещало его самого и кого-то ещё, смутно распознаваемого как затаённая опасность. Вернее, в нём помещалось два сознания, и им было внутри одного тела тесно. Отсюда и угроза — вдруг кукушонок начнёт вертеться в гнезде?

— Ты кто? — чувствуя себя невероятно глупо, но не в силах совладать с присутствием *чужого* в себе, беззвучно спросил Пётр Алексеевич.

— Я — Димон, — беззвучно, прямо в мозг прозвучал бодрый ответ.

— Какой Димон? Откуда?

— Долгая история. — Внутренний голос был лукаво, не по-доброму весел. — Метемпсихоз, мать твою, колесо сансары. Рассказать — не поверишь. В девяносто восьмом бахнули сейф с тридцатью миллионами. Штопор с Фрицем — благородные бандиты, а я — фармазонщик. Какого беса вписался? Деньги нужны были — вилы. Вошли в масочках, никого не убили даже, аккуратно всех скотчем повязали. Сейф вынесли и тихонько поехали партизанской тропой. И надо же — совершенно случайно влетели на облаву. Менты за нами погнались, а у Штопора с Фрицем два калаша с собой и ящик гранат, чтоб подорвать сейф где-нибудь на лесной полянке. И они давай стрелять по ментам, а те — в ответ. Дальше — хрень какая-то. Очнулся в барсуке, назад ходу нет — ни тебе с кем побазарить толком, ни чем закинуться. Как джинн в лампе. Только землю рой да хомячь, что найдёшь. Скучно. А сейчас к тебе зашёл — другой компот!

— Ты что — бандит? — сообразил Пётр Алексеевич, мгновением позже осознав, что надо было бы спросить: «Что значит „зашёл“?»

— Сложный вопрос. — Похоже, Димон и впрямь истосковался по живому разговору, поскольку явно был намерен злоупотреблять вниманием собеседника. — Бандитизм — это, дружок, жизненная философия. Бандит — это тот, кто при возможности решить вопрос битой будет решать его битой, а не каким-либо другим способом. Это, конечно, самый общий случай — вариантов в наше время было много. Но без нужды бандит живых людей не гондошит. И вообще, если ты по масти не мокрушник и за-

Крусанов П.

К 84 Игры на свежем воздухе : роман-четки / Павел Крусанов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 512 с. — (Азбука-бестселлер. Русская проза).

ISBN 978-5-389-23149-8

Новая книга Павла Крусанова, автора «Укуса ангела», «Американской дырки», «Мёртвого языка» и других не менее неожиданных и обсуждаемых сочинений, на этот раз об охоте. Да-да, об охоте в её классическом, тургеневском понимании. Но не был бы Крусанов Крусановым, если бы ограничился банальным изложением охотничьих историй о походах на водоплавающую и боровую дичь. Да, это в новой книге есть, причём рассказано об этом настолько сочно, ярко и со знанием дела, что ты будто бы сам, как в компьютерной имитации, влезает в болотные сапоги героя и чавкаешь по болотным хлябям в ожидании счастливого выстрела. Книга на самом деле шире, глубже и удивительней, чем просто про стрельбу из ружья.

И география этой книги — не только Псковщина в окрестностях Новоржева. Здесь есть и перуанская сельва с её тайнами и ночными страхами. Есть и много других дорог, по которым ведёт нас автор, погружая в сложный, подчас непредсказуемый мир внутреннего «я» человека.

И конечно, в книге есть магия, потому что, как сказал автор в одном из интервью: «Литература — не просто игра в слова и смыслы, она наследница вербальной магии, магии заклятия. Только в случае литературы чудо, которое она наговаривает, — особого свойства. После прочтения талантливой книги преобразование происходит не снаружи, а внутри тебя. В результате хотя бы и на время, но ты делаешься другим, и через тебя чуточку преобразается окружающая реальность».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ КРУСАНОВ
ИГРЫ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная вёрстка Ирины Варламовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.06.2023. Формат издания 84 × 96 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 23,84.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-8LP-32098-01-R